

РАССКАЗ

ДОМИНИК ДЖИВА
Цейлонский писатель

ЖИТЕЛЯМ приморских кварталов Джафны¹ не нужно говорить о значении воды в жизни человека: они и сами великолепно знают ей цену. Еще бы не знать — ведь тут порой глотка пресной воды не найдешь. Бывает, лекарство запить нечем. Зато называется этот район красиво — Гурунагар².

В одном из кварталов этого района вот уже лет десять, а то и все пятнадцать живет рикша по имени Бандари. Некоторые авторы ученых трактатов, основываясь на том, что рикша возит людей, называли бы его получеловеком-полулошадью или человеком-животным. Однако рикша, несомненно, человек. Больше того, являясь составной частью городской жизни, он неизбежно усваивает манеры горожанина.

Бандари сделался рикшей не по семейной традиции. И отец его и дед собирали пальмовый сок и изготавливали из него алкогольный напиток — тодди. Однако, подобно девушке из касты рыбаков, которая, выйдя замуж за принца, не прикидывалась незнающей, когда ее спрашивали: «Как разламывается креветка?», Бандари не чурался своей наследственной профессии³. А ведь не в пример ему

¹ Джафна — город на севере Цейлона, второй по величине в стране. (Здесь и далее примечания переводчика).

² Гурунагар (тамилск.) — великолепный город. «Гуру» на тамилском языке также означает «язык».

³ Каста сборщиков пальмового сока — «наляванов» — считается одной из низших среди цейлонских тамилон.

многие, чтобы прослыть горожанами, щеголяют знанием английского языка и с серьезным видом утверждают, что рис растет на деревьях в вареном виде.

Год за годом ежедневно, обвязав ноги веревкой и крепко обхватив руками ствол, Бандари взбирался на пальмы за соком. Однако этому привычному для него положению вещей внезапно пришел конец. На пути Бандари встал городской комитет ревнителей устранения спиртных напитков из жизни общества. Наиболее рьяные из трезвенников-неофитов, желая, видимо, искупить свои прежние заблуждения, начали уничтожать имущество изготовителей тодди. Не избежал этой участи и наш герой: от его винокурни осталась лишь куча пепла. Так Бандари превратился в городского рикшу.

Человек он был трудолюбивый, и в скором времени эта работа тоже стала для него привычной. «Уважаемый!.. Господин!.. Раджа!..» — выкрикивал он монотонно, как стертая пластинка. Коляску он брал напрокат за три четверти рупии в день. Приобретение собственной коляски было для Бандари делом совершенно невозможным — все равно как если бы он один взялся везти тяжело нагруженную арбу по узкой проселочной дороге...

Так и шла своим чередом жизнь Бандари и его семьи, состоявшей из жены и ребенка.

Однажды в десять часов вечера, отвезя после собрания домой председателя благотворительного общества — весьма известного в городе человека — Бандари вернулся в свою хибару. Целый день он ничего не ел, и теперь аппетит у него разыгрался не на шутку — того и гляди внутренности сожрут друг друга. Быстро прикончив свой ужин — лепешку из американской муки⁴ и небольшой кусочек сушеной рыбы, Бандари повернулся к кувшину с водой. Но кувшин был пуст. Это рассердило Бандари. Если он не запивал еду хотя бы глотком воды, нарушался, как он говорил, «режим» и вся еда шла не впрок. Оттого что воды не было, ему еще больше захотелось пить. Вскипев от злости, набросился он на жену.

— Эй, женщина! В кувшине ни капли воды. Куда ты ее дела?

Жена не осталась в долгу.

— Куда я дела воду? Полила те сто рупий, что ты посадил. Ты же сам сказал: если вырастет денежное дерево да начнет плодоносить, только и забот будет обрывать с него деньги. Вот я и полила, чтобы скорее росло то дерево. Всю воду твои деньги выпили!

Слова жены несколько смягчили сердце Бандари. Он вспомнил, как за неделю до этого принес домой сторупиевую ассигнацию и припрятал в углу

⁴ Под видом «помощи» США сбывают Цейлону излишки своей сельскохозяйственной продукции, в том числе и муку.

хижины, закопав в земляной пол. Невольно улынулся он, представив себе, как жена ежедневно поливает там землю и приговаривает, лелея несбыточную надежду: «Если вырастет денежное дерево... Если вырастет денежное дерево...»

Уже беззлбно Бандари пробормотал:

— Ну и глупая же ты! Никакого денежного дерева нет на свете. Деньги трудом достаются...

Взяв кружку, жена отправилась в соседний дом, чтобы попросить займы немного воды, однако спустя несколько минут вернулась ни с чем. Такие уж у Бандари были соседи: что у них ни попроси, всегда отвечают отказом.

— Нет тебе сегодня пресной воды. Что ж делать? Схожу принесу соленой,— предложила жена.

Надо сказать, что в квартале, где жил Бандари, никакого водопровода и в помине не было. Жили здесь в основном рыбаки, ассенизаторы, сборщики пальмового сока, шоферы и кондукторы автобусов, рикши. Он был, пожалуй, самым неблагоустроенным в городе, этот квартал париев. «А, эти подонки...» — презрительно цедили сквозь зубы правительственные или муниципальные чиновники, когда заходил вопрос о благоустройстве квартала. И все оставалось по-прежнему.

Через десять лачуг от жилища Бандари стоял «дом» кондуктора Свамнатана. Здесь был «колодец» — наполненная водой яма. Если изредка кто-нибудь и зачерпывал из этого колодца воду, то лишь для того, чтобы тут же выплеснуть ее обратно. В душе у Бандари уже давно зародилось сомнение, не употребляется ли в городской больнице в качестве микстуры горько-соленая вода из этого колодца.

Неподалеку был расположен храм богини Мада. Рядом с ним находился колодец с прекрасной пресной водой — своего рода неиссякающая Махавели-Ганга⁵. Но так же, как текущая на восток Махавели не приносит пользы жителям Северной провинции, был бесполезен ночью этот колодец с прекрасной водой: служители храма с вечера запирали его крышку на замок.

Кроме него, в округе был еще один колодец — при храме богини Амман. Но водой из него могло пользоваться лишь небольшое число местных жителей, принадлежащих к высшим кастам. Поистине, души людей, отуманенных кастовыми предрассудками, подобны покрытой густой зеленой плесенью воде колодца, которым редко пользуются.

Итак, один колодец с хорошей водой на запоре, другой — доступен немногим избранным. Бандари понимал, что, предлагая ему пить соленую воду, жена не имела иного выхода, но терпение его лопнуло. Больно уж мучила его жажда после сухих лепешек.

Выватив у жены из рук кружку, Бандари, кипя от ярости, выскочил из хижины и мгновенно исчез в ночной темноте.

Пробравшись к колодцу богини Амман, он осторожно, стараясь не шуметь, опустил вниз ведро и, зачерпнув воду, стал выбирать веревку. Однако в ведре была дыра, вода вытекала из него и падала в колодец с гулким журчанием. Сердце Бандари учащенно забилося. Его охватил страх. Он заспешил, но руки и ноги у него тряслись, отказывались повиноваться, так что первая попытка достать воду успеха не имела. Бандари предпринял новую попытку. Он старался сосредоточить все свое внимание на ведре. Вот ведро достигло поверхности воды. Вот, покачнувшись, зачерпнуло воду...

Вдруг откуда-то слева раздался голос:

— Кто это там у колодца? Решили попить водички?..

Это был голос кондуктора Свамнатана.

От испуга Бандари утратил всякую способность соображать. По его лицу катились капли пота. Он окаменел, подобно изваянию в храме Амман, и не мог вымолвить ни слова. В этот момент он напоминал отшельника, давшего обет молчания. Ведро так и осталось погруженным в воду, а руки Бандари судорожно сжимали веревку колодезного журавля. Вылитая статуя.

Вновь прозвучал голос — короткое, но энергичное ругательство.

— Эй, ты, у колодца! Что у тебя ушей нет? Хочешь взять немного воды?

Безмолвие.

Свамнатан перепугался. И не без причины. Ему вспомнилась старинная легенда о закованном в кандалы призраке, который по ночам бродит по правой стороне улицы возле храма Амман. В обычное время Свамнатан не вспоминал про эту легенду. Послушать его — так решишь, что имеешь дело с человеком, совершившим множество подвигов. Однако на сей раз смельчак Свамнатан опрометью бросился к стене, к которой было приклонено несколько велосипедов. Включив фонарь одного из них, он повел им в сторону колодца. Там, судорожно стиснув веревку, стоял, как изваяние, Бандари.

Свамнатан не поверил своим глазам. Чтобы проверить себя, он зажмурился на минуту, потом поглядел снова. Никакого сомнения: Бандари собственной персоной. «Наляван Бандари черпал воду из колодца храма Амман! Он осквернил колодец. Откуда у этого налявана столько наглости? Это же вызов могуществу высших каст, оскорбление на- чертанного на их челе божественного знака!»⁶

⁵ Махавели-Ганга — самая большая река Цейлона.

⁶ Согласно канонам индуистской религии ортодоксальные индуисты из высших каст должны рисовать золой у себя на лбу священный знак.

Ярость ударила Свамнатану в голову. В одно мгновение человек превратился в зверя.

На поднятый Свамнатаном шум стали собираться запоздавшие прохожие и обитатели расположенных поблизости лачуг. Вскоре образовалась довольно значительная толпа. Ни на секунду не усомнившись в своем праве вершить правосудие, собравшиеся учинили Бандари дотошное следствие. Не замедлило последовать и наказание: на преступника посыпались бесчисленные удары и пинки. Возмущенные ревнители традиций били его с методичностью грубого полицейского, которого вызвал из терпения попавший в его власть вспыльчивый молодой человек. В суматохе кто-то из поборников высокой морали прихватил с собой кружку, с которой Бандари пришел за водой.

В общем, можно считать, что он легко отделался: разъяренная толпа могла разнести его в клочья. Недаром сообщение о происшествии у колдунца появилось в газетах. Очевидно, столь счастливым концом Бандари был обязан отсутствию грехов в прошлой жизни⁷ или же мангальяму⁸ своей жены.

В ту же ночь загорелась лачуга Бандари. С болью в сердце смотрел он, как огонь пожирает его имущество. К утру на месте хижины остались лишь дымящиеся угли. Ведь говорится: как бы велико ни было преступление, бог огня Агни все сожжет и уничтожит и тем самым совершит очищение. Только уж что-то слишком часто бог Агни воплощается в спичечной коробке в руках людей высших каст!

Прошел месяц. Однажды вечером Бандари медленно брел по улице. Глядя на него, можно было подумать, что он ведет колесницу с изображением бога смерти Наллюра,— до того мрачным был его вид. В тот день ему не удалось заработать даже на то, чтобы оплатить прокат коляски. Высокорожденные помнили о нанесенном им оскорблении, и коляска Бандари большую часть времени пустовала.

Бандари приближался к женскому монастырю на улице Паранги, когда его внимание привлекла толпа, собравшаяся на опушке рощи, в том месте, где рядом шли шоссе и железная дорога. Зеваки буквально лезли на спину друг другу. «В затылок грамотному становятся десять человек, в затылок сумасшедшему — сто», — с презрением подумал Бандари, выразив тем самым свое отношение к стадному инстинкту городских жителей. Но все мы люди, все человеки: в следующее мгновение Бан-

дари остановился сам, побуждаемый «ожиданием новизны», а попросту говоря, любопытством.

— Эй, рикша! — раздался вдруг с противоположной стороны улицы нетерпеливый голос. — Быстро давай сюда! Мне нужно в кино.

Бандари охватило радостное возбуждение. Наконец-то будет у него заработок!

— Подожди немного, я сейчас выйду, — произнес голос.

Воспользовавшись отсрочкой, Бандари оставил коляску и протиснулся в середину толпы. На земле в луже крови навзничь лежал кондуктор Свамнатан...

Бандари сразу представил себе, что тут произошло. Водитель автобуса решил обогнать быстро идущий поезд. В этой гонке автобус проиграл. Ни шофер, ни пассажиры какого-либо ущерба от этого не понесли. За все расплатился стоявший на подножке⁹ кондуктор. Сильным толчком он был сброшен с подножки и, отлетев далеко в сторону, ударился о землю и потерял сознание.

Первым ощущением Бандари было мстительное удовлетворение. В его ушах все еще звучали проклятия жены в ту роковую ночь, когда сгорела их хижина: «Чтоб ему рассыпаться в прах! Пусть не будет счастья ни ему самому, ни его семье, ни его детям! Пусть пропадет его добро! Чтоб он сгорел! Чтоб он околел!» Бандари вспомнил о господине, спешившем в кино, и решил, что, пожалуй, пора возвращаться к коляске.

Но в тот же миг в душе рикши, в его сердце рабочего человека, возникло замешательство. Ему вдруг стало стыдно своих мыслей.

Нельзя сказать, чтобы толпа безразлично относилась к случившемуся. Из нее то и дело слышались ахи и охи. Но и только. Никто пальцем не шевельнул, чтобы помочь пострадавшему. Ох уж эти горожане!

С помощью двух прохожих Бандари осторожно положил Свамнатана в коляску и помчался в городскую больницу.

Прошел час. Бандари терпеливо сидел в приемном покое, как молодой супруг при первых родах жены. Мимо взад и вперед сновали медицинские сестры. Может быть, они скажут ему что-нибудь?

— Сестрица, к вам тут недавно привезли упавшего с автобуса, как его дела?

— А, то происшествие. У него большая потеря крови. Срочно нужно делать переливание. А в до-

(Окончание см. на стр. 53)

⁷ Индуисты считают, что душа умершего человека переселяется в тело новорожденного.

⁸ Мангальям — талисман, который носят на шею замужние тамилки. По народному поверью, от мангальяма зависит благополучие мужа.

⁹ Азия и Африка сегодня

⁹ На Цейлоне кондуктор, собирающий с пассажиров плату за проезд, стоит на подножке снаружи кузова автобуса.